

Если принц хочет играть, он должен играть до тех пор, пока не будет удовлетворен.

Когда Ся Юйцзинь закончил играть, дом Чаншэн проиграл в общей сложности сто двадцать три тысячи таэлей и одну руку мастера Лу. К сожалению, когда Е Чжао послала своих людей обыскать весь игорный зал после окончания игры, разбив столы и стулья вдребезги, они нашли только двенадцать тысяч двести тридцать четыре таэля, плюс несколько антикварных вещей и несколько мелких медных монет.

Хнычущему и плачущему мастеру Лу, угрожая мечом, заставили подписать обещание заплатить своим окровавленным отпечатком пальца.

Ся Юйцзинь, который держал в руках антиквариат и рассматривал его, презрительно заметил: «Все это бесполезный хлам. Эта картина Ли Байняня - подделка. Не только твой уровень и моральный облик никуда не годятся, но и твой кругозор. Тебе еще многому предстоит научиться, это точно... Чего ты так обиженно смотришь? Я преподаю тебе неправильный урок?»

Е Чжао стукнула мастера Лу по голове и слегка прищурилась, глядя на него.

С покрасневшими глазами, полными слез, мастер Лу поспешно подполз к нему. «Да... - взмолился он, - Ваше Высочество, вы вовремя наставили меня на путь истинный... Я беспринципен и аморален, имея глаза, не разглядел горы Тайшань*...»

* обр. не узнать (кого-то или что-то) знаменитое, не оказать должного уважения; не понять, с кем имеешь дело.

- Забудь об этом. Ты признал свою неправоту. Я непредубежденный человек, а не какой-то неблагодарный злодей. Как я могу принять близко к сердцу это маленькое оскорбление? - Ся Юйцзинь встал со своего места, единственного неповрежденного во всем зале. Он взял долговую расписку и внимательно просмотрел ее. Затем он яростно отшвырнул бесполезный антиквариат и добавил, махнув рукой: - Давай просто забудем об этом. Хотя это довольно возмутительно, что он отказывался играть в азартные игры, мы должны щадить тех, кого можем пощадить. Давай не будем заставлять всех верить, что мы используем свой статус для угнетения людей.

- Хорошо, - беспечно сказала Е Чжао, вкладывая свой клинок обратно в ножны.

Удовлетворенный Ся Юйцзинь погладил мастера Лу по голове, глубоко вздохнул и обратился к нему с нежными словами утешения:

- Не отчаивайся. Выигрыш или проигрыш в игорном доме - обычное дело. Та часть денег, которую ты отдаешь, в конце концов, возвращается обратно. То, что произошло сегодня, не так уж и важно, так что не пытайся убить себя от отчаяния. Река Цинь очень холодная.

Был ли в мире более презренный персонаж, чем он?

Мастер Лу, испытывая психологическое потрясение, выплюнул полный рот крови.

Ся Юйцзинь с торжествующим видом удалился, даже не взглянув на мусор на земле. Добравшись до двери, он первым делом раздал медные монеты и слитки серебра людям по соседству, которые оживленной толпой собрались у парадных дверей, чтобы понаблюдать за волнением. Затем он достал двести таэлей, чтобы купить чай для солдат, которых привела Е Чжао, и, наконец, забрался в паланкин. Прежде чем он успел усесться поудобнее, Е Чжао забралась следом за ним и довольно грубо протянула руку.

- Где награда за мой тяжелый труд?

- Моральная чистота - это награда! Что ты за генерал такой? - Ся Юйцзинь шлепнул ее по руке, достал из пачки банкнот две тысячи таэлей и передал их своему слуге. - Иди прямо в лавку Лао Гао, тайно отдай ему деньги и купи пять цзиней баранины и пять цзиней сухожилий... Затем вернешься туда с кем-нибудь позже и скажешь ему, что мне стало плохо из-за мяса, разгоришь всё в магазине, отвесишь ему пару пощечин и выгонишь его и всю его семью из города. Скажи ему, что я изобью его до смерти, если он когда-нибудь посмеет вернуться в город!

Слуга, запомнив указания, взял с собой людей, чтобы разобраться с этим делом.

После минутного молчания Е Чжао сказала:

- Если ты поднимаешь такой шум, принц Ци, возможно, не так быстро установит связь между тобой и Лао Гао, но он не дурак. Он оправится от шока, и поскольку он не сможет догнать Лао Гао, он выместит весь свой гнев на тебе.

- Это просто азартная игра. Кроме того, даже его собственный лакей не смог хорошо выполнить свою работу. Что он может со мной сделать? Честно говоря, два года назад император изо всех сил старался наказать меня двадцатью ударами палкой, но отказался от этого после того, как вдовствующая императрица отчитывала его в течение часа. До тех пор, пока я не устрою грандиозную сцену, ему будет всё равно. И до тех пор, пока кто-нибудь другой не устроит мне грандиозную сцену, ему тоже будет всё равно... - уныло произнес Ся Юйцзинь. - Вот почему эти ублюдки осмелились выступить против меня.

- Что мы будем делать, если принц Ци действительно узнает, что это был ты, и захочет отомстить? - Е Чжао не смогла удержаться от вопроса.

Ся Юйцзинь одарил ее лукавой улыбкой.

- Чего ты боишься? Нынешний император - сын вдовствующей императрицы, а мой отец был

его родным кровным братом [1]. Они глубоко любили друг друга. Если принц Ци проявит излишнюю жестокость, решая этот вопрос, я притворюсь жалким и пойду жаловаться вдовствующей императрице. Как она может не помочь своему собственному внуку? - Он увидел, как Е Чжао опустила голову, размышляя. После некоторого колебания он достал лист красной бумаги, завернул в него долговое письмо и протянул его старшему слуге. - Довольно! Если в моем поведении есть хоть малейшая ошибка, боюсь, удар, который он мне нанесет, будет трудно вынести. Передай это принцу Ци. Скажи ему, что это подарок его племянника в честь его новорожденной дочери от юной наложницы, так что ему не нужно возвращать мне деньги.

[1] Очевидно, что у них общий отец, но также и мать, что не всегда являлось гарантией искренних братских отношений в императорском гареме. Принц Ци также является братом правящего императора, но в данном случае сводным братом.

- Моральная чистота! Что ты за принц такой? - Е Чжао рассмеялась, слушая его, а затем серьезно сказала: - Не волнуйся. Если он посмеет прикоснуться к тебе, я нанесу неожиданный удар всей его семье. Но ты также не можешь оставить себе деньги, которые выиграл у него.

- Ну, я не идиот, - ответил Ся Юйцзинь. - Через несколько дней вдовствующей императрице исполняется шестьдесят лет, но казна пуста, и император обеспокоен. Я дам ему немного наличных, чтобы продемонстрировать свое сыновнее почтение, и по дороге остановлюсь поболтать с вдовствующей императрицей, расскажу ей истории о надувательствах в игорных притонах. Это сделает счастливой такую старую женщину, как она.

Е Чжао обняла его за плечи.

- Эй, как ты на самом деле жульничал, чтобы выиграть? Расскажи мне, пока рядом никого нет.

- Неужели ты думаешь, что я стал бы разглашать свои секретные приемы? - Ся Юйцзинь несколько раз пытался стряхнуть ее руку, но безрезультатно. - Я слышу, как говорит бог игральных костей. Он-то мне и помогает, - на ходу выдумал он.

- Ты прислушиваешься к звуку игральных костей, верно [2]? - спросила Е Чжао. - Кто тебя научил?

[2] техника, обычно используемая в китайских романах. Опытные люди могут прислушаться к звуку, который издают игральные кости, когда они падают на дно чашки, и исходя из этого подсчитывать количество набранных очков.

- Я сам научился, - возмущенно ответил Ся Юйцзинь.

Е Чжао покачала головой.

- Чтобы овладеть этим навыком, требуется десять или двадцать лет практики, даже если ты опытный игрок. Сомневаюсь, что тебе хватило бы упорства.

- Кто бы стал меня учить? - сердито сказал Ся Юйцзинь. - Я родился с хрупким телом. Когда мне было четыре года, я случайно упал в ледяную воду, что ухудшило мое состояние. Мне не разрешали выходить на улицу. Я провел четырнадцать лет взаперти в своем дворе, и мне запрещали что-либо делать. Мне было безумно скучно. Что еще я мог делать, кроме как играть в кости? Я играл обеими руками, я играл во всё, что только мог придумать.

Он был болен с тех пор, как начал познавать мир. Иногда у него необъяснимо кружилась голова после того, как он делал два шага по саду, когда дул ветер. Запах лекарств никогда не покидал его комнату. Желтобородые, белобородые, безбородые врачи - все они осматривали его бесчисленное количество раз, и все они говорили, что он не доживет до восемнадцати. Вдовствующая супруга чуть не разорвала себе внутренности от плача и вырастила его в доме с мягкой обивкой, как будто он был сделан из хрусталя, и она не осмеливалась напрягать его нервы или разум, чтобы он не сломался от одного прикосновения.

Ему не нужно было учиться, ведь он и так мог читать художественные тексты с народным произношением [3].

[3] существует литературное произношение классических литературных текстов и народное, повседневное произношение одних и тех же иероглифов. Это объясняет, почему письменный китайский язык претерпевал относительно незначительные изменения на протяжении веков, в то время как разговорный язык эволюционировал, и даже объясняет наличие диалектов.

Ему не нужно было заниматься каллиграфией, так как это были бы пустые упражнения.

Это были слишком экстравагантные навыки, чтобы возлагать их на плечи того, кто мог умереть в любой момент.

Независимо от того, как много или хорошо он будет заниматься, все эти навыки уже не пригодятся ему через несколько лет.

Иногда он подслушивал разговоры слуг и служанок о внешнем мире: о десятимильной реке Цинхэ, роскошной и бескрайней, которая навеивает на людей грезы. Иногда, прислонившись к двери своего двора, он прислушивался к крикам разносчиков, гомону, стуку лошадиных копыт - всё было так оживленно. Иногда он просматривал свои книги, где были тысячи изображений гор и рек, лугов и пустынь, таких же ярких и красивых, как картины.

Всё, что он видел, - это четыре стены своего дома и голубое небо над головой, по которому проплывали несколько белых облаков.

Временами они были похожи на обезьяну, жаворонка или лошадь...

Но когда он потянулся к ним, то так и не смог прикоснуться ни к одному из них.

Когда ему было четырнадцать, Мань Цзинь вторгся в Северную пустыню и прорубил себе путь через нее.

Когда пришла эта новость, императорская семья и столичные аристократы были в смятении.

Воспользовавшись невнимательностью стражников, он переоделся и выскользнул на улицу. Он стоял на улице, как дурак, с любопытством наблюдая за всем вокруг: за человеком и его обезьяной, которые били в гонги и барабаны, за другим человеком, который кричал, неся свои засахаренные плоды на палочке. Все было таким новым и интересным, краски жизни такими насыщенными, что, казалось, они пульсируют - у него не хватало глаз, чтобы охватить всё это.

Он блуждал наугад. В винном магазине был сказитель, оживленно рассказывавший историю генерала Е Чжао, и он остановился, чтобы послушать.

- Генералу Е в этом году исполнилось всего шестнадцать, но его природные таланты затмевают таланты других. Под его командованием армия продвигается вперед и отступает по мере необходимости. Он сравним с генералом нашей предыдущей династии Вэем! Могучий, он достигает девяти чи в высоту, носит десятикилограммовый обоюдоострый топор и ездит на коне, белом, как облака. У него храбрость десяти тысяч человек! В авангарде своей армии, когда он врывается в ряды врагов, громко крича, никто не может остановить его размахивающий топор... Не успев отреагировать, головы поверженных уже лежат на земле. Он настоящий мужчина среди мужчин, настоящий герой среди героев!

Мог ли на самом деле существовать такой могущественный человек?

Он сидел в сторонке и зачарованно слушал.

Они явно были примерно одного возраста, но один из них был генералом, беспрепятственно передвигавшимся по миру, в то время как другой был бесполезным затворником.

Отчасти он восхищался, отчасти не подчинялся своей судьбе, отчасти завидовал и отчасти был разочарован.

Его план сбежать из дома провалился еще до того, как рассказ был закончен.

К нему начали приставать, решив, что он девчонка.

Он потерял сознание.

Его отправили домой.

Вдовствующая супруга Ань сидела у его постели и плакала целый день.

Он лежал там молча, молча слушал, молча молился...

Если для меня есть чудесный способ выздороветь, тогда позволь мне стать таким же могущественным человеком, как Е Чжао.

Мечты, ах, мечты...

«Эй, - Е Чжао очень мужественно хлопнула его по плечу, бесцеремонно спросив: - Где блуждают твои мысли?»

Женщина, которой он восхищался в юности, стала его женой.

Ся Юйцзинь внезапно почувствовал желание заплакать.

Он хотел быть генералом, а не забрать генерала домой!

Черт! Неужели Небеса были глухи?

<http://tl.rulate.ru/book/6306/1448181>